

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ивану Петровичу Павлову, академику, первому российскому лауреату Нобелевской премии, создателю теории регуляции органов пищеварения, а затем и учения о высшей нервной деятельности посвящено много работ. Это — и воспоминания его родных, друзей и сотрудников, это и специальные монографии, подробно освещающие его жизнь и деятельность. В литературном списке указаны многие из них.

Настоящая же книга имеет целью отразить специально личность И. П. Павлова. Поэтому автор только в некоторых главах придерживался хронологического типа описания, тогда как большинство глав исходит не из хронологии жизни Павлова, а из особенностей свойств его личности, характера и поведения.

И. П. Павлов всей своей жизнью, начиная с молодости, создал кодекс поведения, который свидетельствует о духовной силе Павлова.

1. Отдать себя служению своему народу.
2. Быть честным в любых условиях.
3. Беречь правду в отношениях между людьми.
4. Отстаивать своё достоинство, не посягая на достоинство других.
5. Крепко держать своё слово.
6. Быть скромным.
7. Трудиться, не жалея сил, вкладывая в свой труд все знания, умение, упорство, внимание, аккуратность и добросовестность.
8. Не останавливаться на достигнутом, а постоянно идти вперёд, совершенствуя своё дело.
9. Быть добрым и отзывчивым.
10. Не распускаться, а быть собранным, подтянутым в быту, на работе, в общественных делах.

Этот кодекс поведения Павлов горячо воспринял и выполнял до конца своей жизни (цит. по И. С. Розенталь, 1963, с. 17)

Далее, особенностью книги являются многочисленные цитаты и ссылки на авторов воспоминаний и книг о Павлове. В этом

плане автора вполне можно назвать «автор — составитель». Поскольку главным в книге было представить Павлова именно глазами и впечатлениями его ближайшего окружения, именно их словами и выражениями, автор не счёл нужным переделывать всё это на свой лад. Главное — было сохранить достоверность образа Павлова, а не вычурность языка автора книги.

Наконец, дотошный читатель найдёт ряд повторов в отдельных главах. Казалось бы, зачем они. Оказывается, один и тот же случай из жизни Павлова, инцидент, происшествие и его поведенческая установка неоднозначны и могут характеризовать учёного каждый раз с другой стороны. И это важно, так как личность Павлова очень многопланова и не укладывается в рамки какого-то одного поведенческого паттерна.

Автор выражает глубокую благодарность всем, кто в той или иной мере способствовал появлению этой монографии и предоставил материалы для нее. Это — А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, К. М. Зеленин, Э. А. Космачевская, Л. И. Громова. Это — их огромный 3-х томник о И. П. Павлове, опубликованный к 100-летию получения им Нобелевской премии, который внёс много новых, ранее не публиковавшихся материалов о личности учёного. Это — В. О. Самойлов, который заставил нас более глубоко осмыслить политические и социальные взгляды И. П. Павлова. Это сотрудники музеев, и сотрудники РАН и РАМН, многочисленные публикации которых более полно осветили разные стороны жизни И. П. Павлова: Ю. П. Голиков, К. А. Ланге, Ю. А. Виноградов, Т. И. Грекова, В. А. Пастухов, Э. А. Космачевская, Н. К. Куприянова, Л. И. Громова, Н. А. Загрина, С. Н. Паршикова, Н. А. Григорьян.

Автор искренне благодарит также Лилию Ивановну Аверьянову, взявшую на себя большой труд по печатанью, комплектации и корректурке монографии.

ГЛАВА 1

И. П. ПАВЛОВ — САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ

27 февраля 2011 года исполняется 75 лет со дня кончины Ивана Петровича Павлова — великого русского учёного-физиолога и демократа. Несмотря на годы не уменьшается число публикаций о нем и количество конференций, посвящённых ему. Так, в 2009 году в Рязани, Санкт-Петербурге и Москве активно отмечалось 160-летие со дня рождения И. П. Павлова.

И. П. Павлов — первый российский лауреат Нобелевской премии. Его научные достижения хорошо известны. Однако, только ли научные труды привлекают нас к Павлову? Когда поглубже познакомишься со многими воспоминаниями и исследованиями о нём — поразит необыкновенная феноменальная личность этого человека. И. П. Павлов — САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ. Таких личностей по подсчётам А. Маслоу (цит. по Асмолов А. Г., 2007) не более 1 процента населения. Именно такие личности выражают максимальную сущность людей.

Попробуем проанализировать особенности Павлова в плане самоактуализирующейся личности.

Прежде всего, и это главное, его самобытность и активность проявилась в его научных открытиях: он шёл своим путём и в области изучения регуляции деятельности органов пищеварения, и в изучении высшей нервной деятельности.

Павлов наиболее адекватно воспринимал действительность и был свободен от влияния разных потребностей, стереотипов и предрассудков. Он был сам по себе. Какие бы социальные штампы ему ни предлагались, он имел своё мнение. Он был на голову выше тех людей, которые полностью подчинялись текущему моменту. Это хорошо видно по его начальным лекциям курса физиологии в ВМА, видно и по его разговорам с Горьким (Павлов В. И., 1967),

и по мнениям, высказанных Бухарину (например, насчет мировой революции). (Самойлов В. О., 1999; Тодес Д., 1999)

Павлов принимал и себя и других такими, как они есть, в нём не было искусственных защитных форм поведения. Он скорее наступал чем защищался. Он был чаще в наступлении чем в обороне. Так, например, он отказался от продовольственных пайков предназначенных лично ему в тяжелое время начала 1920-х годов и прямо высказался за то, что такие пайки нужно дать всем ученым, а не только ему лично.

Его спор с В. М. Бехтеревым носил принципиальный характер, связанный с обращением к фактической стороне дела в области психологии и физиологии (Самойлов В. О., Мозжухин Д. С., 1989).

Многие, встречавшиеся с Павловым и знавшие его долго, отмечают простоту его общения и естественность. (Хотя бывает, когда большой человек ведёт себя надменно и важно). Художник В. М. Нестеров, впервые пришедший в гости к Павлову, был поражен простотой его обращения. Нестеров (1967) пишет: «Поздоровались, и я вдруг почувствовал, что с этим необычайным человеком я век был знаком. ...Я был сразу им покорён, покорён навсегда». Необыкновенную приветливость, простоту и доброжелательность Павлова отмечают многие его сотрудники (Анохин П. К., 1967; Журавлёв И. Н., 1967; Орбели Л. А., 1967).

Беседы Павлова с сотрудниками за чашкой чая, во время совместных обедов (например, в ИЭМе в Ленинграде или в Колтушах) постоянно демонстрирую нам простоту, доступность и естественность его поведения и общения.

Будучи действительно знатоком физиологии, умнейшим человеком, он не чурался конформизма на уровне внешнего поведения.

Павлов был человеком дела. Дело для него было превыше всего.

Будучи в лаборатории он прежде всего думал о работе, повышенный деловой тонус и темп работы держались на той же высоте вплоть до позднего вечера. Особенно поражала величайшая сосредоточенность Павлова на своём предмете, последовательность. Эта сосредоточенность была особого рода. Она проявлялась в особом умении нацело выключать из поля зрения те вопросы, которые не занимали его в данный момент (Бирюков Д. А., 1967; Орбели Л. А., 1967).

К. М. Быков (1967) пишет о необыкновенной творческой атмосфере лаборатории И. П. Павлова. Яркое пламя научного энтузиазма, страстность в исканиях самого Ивана Петровича,

его необычайная исследовательская напряжённость и какая-то особенная животворящая атмосфера всей лаборатории так подействовала на Быкова, что он находился в каком-то восторженном настроении. Возможно, и в этом заключался особый феномен исследовательской работы Павлова вместе с сотрудниками.

Хочется сказать о соотношении его деятельности с универсальными ценностями, о склонности рассматривать деятельность под углом зрения вечности. Так, результаты исследований в области нервной регуляции желудка, поджелудочной железы, печени, слюнных желез (за что он и получил Нобелевскую премию) — это как бы прорыв в вечность в общей (для всех млекопитающих) деятельности пищеварительной системы. Это как бы прорыв человечества в познание самого себя. Не меньшее значение получило и исследование высшей нервной деятельности (в.н.д.). Это — тот же прорыв из бывшей неизвестности субъективного мира (с рассуждениями об уме, памяти, эмоциях и т.д.) в реальность с помощью объективных методов. Именно объективные методы исследования в.н.д. были и основой материалистической философии Павлова. Он показал, что психика человека и животного и может и должна быть исследована объективными методами. И он боролся за это против субъективизма, анимизма и дуализма, которые в той или иной степени являются разновидностями идеализма. Подробно Павлов пишет об этом в статье «Ответ физиологам психологам» (1951).

Именно его дело, наука была главной в жизни этого человека. Отсюда проистекала некоторая отстраненность по отношению к различным бытовым факторам. Дела по дому, приготовление пищи, уборка, стирка — все было в руках его супруги Серафимы Васильевны, она тут и действовала и командовала. Эта некоторая отстранённость от событий домашней жизни помогала ему более спокойно переносить неприятности и быть менее подверженным воздействиям извне. Особенно это проявилось в годы гражданской войны и после неё. Павлов, несмотря на плохое снабжение, недостатки транспорта и другие неудобства упорно продолжал свои исследования и в ИЭМе и ВМА и физиологической лаборатории Академии наук. Более того, когда в ИЭМе погибли от голода почти все собаки, Павлов предпринял энергичные действия для создания питомника по выращиванию собак в Колтушах. Такой питомник был создан в 1923 году. Но Павлов не успокоился на этом. Летом 1924 года он решил лично посетить этот питомник и проверить его работу. Ему было без малого 75 лет. И несмотря

на полное отсутствие транспорта, он с Купаловым и Сперанским прошёл до Колтушей 10 км пешком (Купалов П. С., 1967). В этом проявилась своего рода автономия и независимость Павлова от внешних факторов. Это — тоже одна из черт самоактуализирующейся личности.

Следующая черта, характеризующая его как учёного, углублённого в сущность исследуемого — это свежесть восприятия и нахождение каждый раз нового в уже известном. Кто бы мог подумать в 1901–1902 году, что из «плёвой железки» (так называл Павлов слюнную железу) может вырасти целая теория и даже учение о высшей нервной деятельности! Каким надо было быть наблюдательным, целеустремлённым и углублённым в суть опытов, чтобы постепенно, шаг за шагом открывать всё новое и новое, а именно: дифференцировочное торможение, динамическую стереотипию в деятельности мозга, типологию нервной системы, локализацию процессов в корковых концах анализаторов, генез неврозов после сшибки и многое другое (Павлов И. П., 1951).

Во всей этой научной и организационной работе Павлов никогда не выпячивал собственное „я”. Хорошо известно, что работы, выходявшие из стен его лабораторий, всегда имели авторов-экспериментаторов-исследователей. Павлов не приписывал к их статьям свою фамилию, хотя имел на это право, так как именно он направлял исследовательскую мысль экспериментатора, он, глубоко проникающий в сущность процессов, видел, что и как надо делать дальше в чередке опытов по условным и безусловным рефлексам. Из его лабораторий вышли многие десятки работ без его авторства, но направленные его исследовательской мыслью. Его собственное „я” как бы исчезло, а существовали только идеи, которые воплощались в жизнь его сотрудниками. Однако, благодаря многим обзорам Павлова («20-летний опыт»...) мы знаем, как велика была направляющая мысль Павлова во всём.

Ещё одна необыкновенная черта его личности — чувство общности с человечеством в целом. Неоднократно уже писалось о том, что Павлов был патриотом своей родины. И сам он об этом говорил и писал не раз.

Однако, самое важное (что не всегда улавливают исследователи Павлова) было то, что он мыслил свой патриотизм, свою любовь к родине в общем потоке цивилизации мирового сообщества. Если оказывалось, что действия и мнения правящих кругов России не служили истинному благу людей, благу общества, он

смело выступал против этого. Известно, что Павлов до 1917 г. был противником самодержавия и разделял идеи демократически настроенного общества (Самойлов В. О., Мозжухин А. С., 1989; Григорьян Н. А., 1999). Он приветствовал февральскую революцию как выражение демократических идей. И что же случилось после Октябрьской революции 1917 года? Павлов отрицательно отнёсся к «большевистскому эксперименту». Почему? Потому что любая диктатура, в том числе и так называемая «диктатура пролетариата» ему была совершенно не по душе. Он считал, в частности, что науке нельзя навязывать идеи сверху, как бы верными они ни были.

Он считал, что неверно менять свои убеждения по приказу партийного руководства. Наиболее полно политические взгляды И. П. Павлова представлены в работе В. О. Самойлова (1999), и Д. Тодеса (1999).

Павлов всегда выступал против репрессий, в защиту прав человека. Вот это и было проявлением его чувства общности с человечеством, демократические и свободолобивые тенденции которого он чутко улавливал. Это был его, Павловский патриотизм. После поездки в 1923 году за границу он писал, что не видит никаких признаков мировой революции в странах Западной Европы. Мировая цивилизация ему представлялась в виде истинной демократии, предоставлении равных прав всем слоям общества и в виде политической свободы. Это и есть чувство общности с человечеством, с человечеством, которое в целом не пошло по пути пролетарской диктатуры. Это — не диссидентство, а истинный патриотизм. Политическое развитие России в XXI веке со свободой политических партий, возможностью оппозиции, со свободой печати пошло именно по такому пути, который представлялся Павлову единственно правильным. В этом плане Павлова можно назвать провидцем XXI века в России.

Именно ощущение общности с человечеством в целом объясняет отношение Павлова к религии. Прежде всего надо уточнить, что Павлов был атеистом. Об этом свидетельствуют его научные труды, его письма (например, письмо в Совнарком (Болондинский В. К., 1995), его разговоры с ближайшим окружением (Крепс Е. М., 1967; Петрова М. К., 1967).

Тем не менее он знал, видел и глубоко чувствовал не только своё окружение, но и как бывший семинарист, — религиозную историю человеческого общества. Он глубоко понимал значение религии и веры в бога для разных слоёв общества не только России

но и всего мира. И это при том, что по своему глубокому убеждению он был атеистом и материалистом. В религии, как он считал, главное — роль нравственного наставителя (Болондинский В. К., 1995), это — идеал для всех людей, как бы долго точная наука не проникала в жизнь. Статьи Н. И. Моисеевой (1999) и Т. И. Грековой (2005) дают более полное представление об этом. Для нас же в этом плане более всего высвечивается необыкновенный демократизм Павлова, который (как говорилось ранее) не считал, что несмотря на его веру в науку и её будущее (Крепс Е. М., 1967), не надо отнимать веру в бога у людей, не надо ссылать священников и закрывать церкви. Эти идеи находят своё воплощение в России в начале XXI века.

Здесь мы не затрагиваем других свойств личности Павлова: его любви к живописи (около 100 картин-оригиналов русских художников находились в его квартире), его трудолюбия, отношения к здоровью и к спорту и других качеств (Болондинский В. К., Куприянова, 1999).

В целом надо признать, что Нобелевская премия, полученная Павловым в 1904 году — это лишь признание его научной деятельности. Тогда как самоактуализирующаяся личность Павлова заслуживает самого пристального внимания и является образцом нового человека. Мы попытались дать характеристику личности И. П. Павлова в некоторых работах (Болондинский В. К., 1997, Болондинский В. К., Куприянова Н. К., 1999) однако, этого оказалось недостаточно. Более того, А. Маслоу (цит. по Асмолов Д. Г., 2007) пишет, что эволюция человека продолжается. Первый этап — это доисторические предки человека. Второй этап — это люди последних тысячелетий и современные люди, зависимые от окружения, обстановки, идей, которые выплёскивает на них всевозможная информация. Третий этап развития человека по состоянию и активности его высшей нервной деятельности — это самоактуализирующиеся личности. Таким был Иван Петрович Павлов.

ГЛАВА 2

АКАДЕМИК И. П. ПАВЛОВ — ПРОВОЗВЕСТНИК НАУЧНЫХ, СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Имя И. И. Павлова широко известно не только в России, но и во всём мире. Последние 18 лет своей жизни (до кончины в 1936 году) он прожил при советской власти. Именно эти годы были не только годами открытий в области физиологии высшей нервной деятельности, но и годами его большой политической активности. Если проследить его высказывания по различным научным, социальным, политическим и религиозным вопросам, то окажется, что они очень актуальны и для наших дней — начала XXI века.

Сейчас активно продолжаются исследования в области условных и безусловных рефлексов и на морфологическом и на нейрохимическом уровне. Внутренние механизмы замыкания условного рефлекса, «проторения пути» как говорил И. П. Павлов — это продолжение работ Павлова и его школы.

В Институте физиологии им. И. П. Павлова РАН в Санкт-Петербурге работает большой отдел, состоящий из 7 лабораторий, отдел физиологии и патологии высшей нервной деятельности, который на современном уровне с использованием новейших методик углублённо продолжает исследования процессов высшей нервной деятельности основу изучения которых заложил И. П. Павлов и его школа.

Мировоззрение Павлова в научном плане лежит в основе взглядов физиологов XXI века. Это, во-первых объективность исследований: основываться на фактах, полученных в опытах,

во-вторых — это значение целостности организма. На этом фундаменте выросла и кортико-висцеральная теория Быкова- Курцина, и теория функциональной системы Анохина. И, в-третьих — хронические методы в физиологии (Болондинский, Куприянова, 1999, с. 169).

Основные методологические принципы рефлекторной теории: принцип детерминизма, принцип единства анализа и синтеза и принцип структурности по-прежнему находятся в основе физиологических исследований XXI века. Хотелось бы особо выделить принцип структурности, то есть приуроченности динамики, функций органа к его структуре. Так, когда умирает человек, умирает его мозг и со смертью мозга исчезает сознание (как функция мозга) и более не существует. Сознание — это и есть душа человека. Исчезает, умирает сознание — это значит, что исчезает — умирает душа. Никакая душа никуда не отлетает и ни в кого не переселяется. В этом, в частности, проявляется материализм, которому всю жизнь следовал И. П. Павлов (Болондинский, 1995).

В этом плане не мешало бы современным ведущим политикам, юристам и философам обратиться к материализму И. П. Павлова и взять за основу материализм в противоположность религиозной идеалистической философии.

Павлов считал, что работа ученого должна признаваться государством как одна из высших форм служения народу, чтобы учёных не считали представителями эксплуататорских классов (В. О. Самойлов, 1999, с. 658). Так, в трудные послереволюционные годы Павлов отказался от привилегий лично ему и его семье, считая, что быт и снабжение всех ученых (а не только его лично) должны быть улучшены.

Эти идеи полностью совпадают с идеями сегодняшнего дня. Наука в нашей стране после трудных 1990-х годов выходит на один из первых планов развития государства. Так, планируется повышение зарплаты научным сотрудникам, и прекратится отток молодёжи из науки. Государство поддерживает новейшие разработки в науке.

Вне всякого сомнения важны исследования Павлова для современной психологии. Из многих проблем психологии хотелось бы выделить создание и приобретение полезных привычек. Ведь привычка — это тот же выработанный и закреплённый условный рефлекс. Воспитание ребёнка и молодого человека состоит, в частности, из создания полезных привычек. Чрезвычайно важно

в любом возрасте переключение психики человека с дурных на полезные привычки.

Любому человеку стоит глубоко задуматься — стоит ли создавать дурные привычки курения, алкоголизма, наркомании, так как в дальнейшем избавиться от них будет чрезвычайно трудно. Весь образ жизни И. П. Павлова учит нас: не создавать плохих привычек. Неоднократно Павлов говорил своим ученикам и сотрудникам: «Не пейте винища, не курите табачища и проживете как Тициан до 100 лет» (Болондинский, 1997). Для Павлова было важнейшим сохранение нравственных устоев; святость моральных устоев была его этическим принципом (В. О. Самойлов, 1999, с. 652). Это как раз то, что надо культивировать и сегодня, в XXI веке.

Павлов исповедовал принципы свободы в высказываниях и выступлениях по любым вопросам политики, образования, науки, религии. Он считал беспардонным посягательством на свободу мысли, внедрение партийной идеологии в науку (В. О. Самойлов, 1999, с. 662–665). В Академии наук должна быть свобода выборов: никаких голосований по спискам! Он отвергал давление со стороны большевиков и считал, что партия не должна вмешиваться в дела Академии наук. В наше время в начале XXI века общественные организации в стране свободно проводят свою политику — это то, о чём мечтал И. П. Павлов.

Павлов активно выступал против репрессий. Он неоднократно обращался в Совнарком с требованиями об освобождении из-под ареста известных ему людей, в основном, учёных. Мечта Павлова сбылась: в XXI веке в России нет репрессий против инакомыслящих. Свободно существует несколько партий, они представлены в Государственной Думе. Существуют газеты разных политических направлений.

Особенно характерно выступление Павлова на торжественном заседании в 1929 г., посвящённом 100-летию со дня рождения И. М. Сеченова о том, что в стране фактически не существует свободы личности. В частности он сказал: «Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — всё, личность обывателя — ничто».

В 1934 году в письме Г. Н. Каминскому он пишет о том, что «многолетний террор и безудержное своеволие власти превращает нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно-рабскую. А много ли можно сделать хорошего с рабами? Пирамиды — да, но не общее истинно человеческое счастье». Эти протесты и идеи

Павлова соответствуют тому, что предпринято для демократизации и свободы личности в России в XXI веке. Это, конечно, заслуга многих демократически настроенных людей, которые привели Россию к современным формам парламентаризма и подлинной свободе прессы, судопроизводства и многопартийности. Идеалы Павлова находят себе выражение в политической и общественной жизни России в наши дни.

Таким образом, можно прямо сказать, что политические события он анализировал глубже многих политиков и редко ошибался в перспективной оценке их последствий (В. О. Самойлов, 1999, с. 650).

Павлов был настоящим патриотом своей страны и горячо любил свою родину — Россию. Нередко он выступал против различных мероприятий советской власти, но все эти выступления были во имя одной цели — во имя благополучия и процветания его родины, для лучшей жизни людей страны. Именно эти цели были важнейшими. И если они не совпадали с идеями тогдашних руководителей России, он их смело критиковал. Вместе с тем в 30-е годы он активно выступал с обращениями к молодёжи, к шахтёрам, к колхозникам. Он любил и сам труд и человека труда.

В приветствии первому слёту стахановцев он желал им «двигаться по единственно обеспечивающей счастье человека дороге — дороге труда, соединяющего «голову с руками», когда в физический труд вносится «какая — нибудь хорошая догадка».

Павлов считал труд первой жизненной необходимостью. Неуважение к труду, существовавшее в крепостной России должно было коренным образом измениться. Эти идеи Павлова полностью соответствуют тем задачам, которые стоят перед нашим государством в XXI веке.

В целом патриотизм Павлова был глубоким государственным российским патриотизмом как об этом поведал Г. П. Конради в разговоре В. О. Самойловым (1999, с. 651). И если дела в России улучшались в плане материальном, снабжения, образования, культуры, — он радовался этому и на приёме в Кремле участников 15 межд. физиологического конгресса сказал: «... Я страстно желаю жить, чтобы увидеть победное завершение этого исторического социального эксперимента».

Идеям современных дней России полностью соответствуют также идеи Павлова о борьбе за мир. Наше государство было и будет миролюбивым. Павлов говорил в 1935 г. «Мы должны

особенно одобрять и поддерживать борьбу нашего правительства за мир» (газета «Известия» 18 августа 1935 г.).

Обратимся теперь к высказываниям Павлова о религии. Павлов был атеистом, в бога он не верил. (Болондинский, Куприянова, 1999, с. 139.) Не раз он говорил и своей сотруднице М. К. Петровой о том, что он неверующий. Однако, у Павлова была глубокая вера — вера в науку. В беседе с Е. М. Крепсом (1967) он выразился так «Моя вера — это вера в то, что человеческий разум и его высшее воплощение — наука — избавят род людской от болезней, от голода, от вражды, уменьшат горе в жизни людей. Эта вера давала и даёт мне силы и помогает вести свою работу».

Будучи неверующим, он был и настоящим демократом. Он считал, что религия нужна, она полезна. Он говорил, что не надо разрушать храмы, не надо ссылать священников. Его личное неверие не означало, что этот атеизм надо навязывать всем. Вот его слова: «Надо раньше просветить народ, дать ему грамотность, образование, и вера сама ослабнет. А разрушать веру в бога, не заменив её ничем, нельзя» (Крепс, 1967, с. 131). В этом проявился глубокий демократизм натуры Павлова, который не считал обязательным для всех свой атеизм.

Современное положение в России в отношении религии полностью соответствует мнению И. П. Павлова. Именно в настоящее время проводится полная демократизация в отношении религии. Верующие могут свободно посещать церкви. Атеисты могут свободно жить без веры в бога. Никаких гонений на религию не существует. В то же время религия отделена от государства.

Наконец образ жизни И. П. Павлова можно рекомендовать в наше время для здоровья и долголетия любого человека: и молодого, и пожилого, и старика. Павлов специально для своей жизни выработал ряд полезных привычек, которым постоянно следовал. Его день был им самим регламентирован по времени и он неукоснительно придерживался режима дня (Фролов, 1939). Во всем его облике сказывалась собранность и умение управлять собой. Его увлечения — собирание картин, коллекционирование и любовь к художественной классической литературе, — были прекрасным переключением от научной работы к другим интересным делам. Не меньшее значение в его жизни имел и отдых иного сорта — это спорт, прогулки, купанье и физический труд. Живя на отдыхе в Силламягах, он почти ежедневно купался в море (в Финском заливе), а в более поздний

период жизни в Колтушах он купался в Колтушском озере. Его любимой игрой были городки, и эта игра прошла через всю его жизнь до старости. Его любовь к огороду и саду хорошо известна. Даже в преклонном возрасте он сам высаживал на клумбы цветы и с удовольствием ухаживал за ними. (Болондинский,1997).

Всё это вместе взятое делает академика Павлова действительным провозвестником этических норм XXI века. А обращение к его творчеству, его призывам и его образу жизни может много дать любому человеку для его мировоззрения, жизни, работы и отдыха.

ГЛАВА 3

ВТОРАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПО ПАВЛОВУ И РЕЛИГИЯ

Концепция Павлова о 1-й и 2-й сигнальных системах хорошо известна и неоднократно излагалась им, начиная с 1933 года в статьях «Двадцатилетнего опыта...». 2-ая сигнальная система — это система, которой нет у животных, система речи. «Этим вводится новый принцип нервной деятельности — отвлечение и вместе с тем обобщение бесчисленных сигналов предшествующей системы, в свою очередь, опять же с анализированием и синтезированием этих новых обобщенных сигналов (Павлов «Проба физиол. понимания симптомологии истерии», 1933). Ясно, что обобщение, абстрагирование, анализ и синтез на базе речи (языка) — это специально человеческое мышление.

«Есть масса людей, которые, оперируя только словами, хотели бы, не сносясь с действительностью, из них всё вывести и всё познать и на этом основании направлять свою и общую жизнь». (Павлов «Типы в. н. д. в связи с невротами и психозами...» 1935).

Религия как раз и подходит под такое определение. Религия возникла именно у людей, когда эволюционно стала формироваться 2-ая сигнальная система, с её обобщениями и абстракциями. У животных, с их 1-й сигнальной системой, системой предметного, образного мышления, не может сформироваться никакая религия, никакое представление о зависимости их жизни от какого-то высшего духа или абсолюта.

Религия (по нашему представлению) есть результат абстрактного мышления, результат деятельности 2-й сигнальной системы. Людвиг Фейербах (1955) пишет о том, что не бог создал человека, а человек создал бога.

Человеку во все периоды его эволюционного развития всегда нужна была вера. Предметом такой веры ранее была вся природа,

существование которой было совершенно непонятно. Символами такой веры были разные суеверия, вера в солнце, в луну, некоторых животных и даже в растения. Человек везде искал и духов и богов. Достаточно вспомнить веру египтян в бога солнца «Ра», веру индуистов в разных богов, веру в богов Древней Греции и Рима. Вера в нечто великое, непознаваемое была фантазией человечества — деятельностью его 2-й сигнальной системы. Веру, как проявление деятельности 2-й сигнальной системы, отрицать нельзя. Вера — это часть сознания человека с его мышлением, разумом и чувствами. Другой вопрос о том, какая именно вера нужна человеку. Почти все религии, в конечном счете, сводятся к вере в бога, в некий высший дух, в абсолют, в нечто сверхъестественное. Но вот наступает XX век, а за ним XXI век, когда происходит колоссальный «скачѳк» в плане науки прежде всего. Развитие науки касается всех сторон нашей жизни и неведомое и непознанное становится объектом естественно-научного анализа. Необыкновенно развились такие науки как астрономия, астрофизика (не было найдено никакого высшего духа), биология, физика и радиофизика (высшего духа не найдено) химия, антропология и другие науки. Именно И. П. Павлов в разговоре с Е. М. Крепсом (1967) предвидел изменение веры человека: вместо веры в неземной дух — верить в науку. Павлов говорил: «Моя вера — это вера в то, что счастье человечеству дает прогресс науки. Я верю, что человеческий разум и его высшее воплощение — наука — избавят род людской от БОЛЕЗНЕЙ, от ГОЛОДА, от ВРАЖДЫ, уменьшат горе в жизни людей. Эта вера давала и дает мне силы и помогает вести свою работу». Эти пророческие слова Павлова претворяются в жизнь. Благодаря науке человечество избавилось от чумы, тифа, холеры, туберкулѳза. В XXI веке человечество избавится от рака. Благодаря внедрению машин на полях, научного планирования посевов и многим другим мерам человечество постепенно избавляется от голода. Организация объединѳнных наций, консенсус по важнейшим политическим проблемам и другим мерам избавит человечество от вражды и войн. Так сбываются пророческие слова Павлова. В 2006 году вышла из печати книга «Неорелигия. Религия III тысячелетия» (Болондинский, 2006), в которой, учитывая предвидение Павлова, предлагается вместо некоего высшего духа и Абсолюта — «вера в человека и человечество, вера в гражданский гуманизм, науку, культуру и прогресс». Эта вера обосновывается на историческом материале последних столетий, на развитии науки, культуры и образования.

Материализм Павлова в науке проявился и в другом. Он, вслед за Сеченовым, считал, что деятельность мозга должна исследоваться объективными методами. Чисто субъективные методы исследования психики часто ведут как бы к отдельному существованию души от тела, тогда как всё в организме неразрывно связано. И деятельность мозга, как органа, есть часть деятельности организма как целого. Более того, среди методологических принципов его представлений мы находим принцип структурности, то есть приуроченности динамики к структуре. Это относится и к деятельности мозга. Когда умирает человек, умирает и его мозг, с его функциями сознания, речи, памяти, эмоций и более не существует. Поскольку нет структуры мозга — нет и его функции. Никакое сознание, никакая душа не может существовать без материального носителя — без мозга. Никакая душа никуда не отлетает и ни в кого не переселяется. Исходя из этого религиозные представления об отлетающей душе (после смерти человека) — это всего лишь красивая фантазия.

Таким образом, научные установки Павлова — это установки настоящего материалиста, который приложил много сил для понятий естественно-научного объективного, физиологического понимания важнейших психических процессов. И эти его установки нельзя смешивать с демократизмом Павлова, как человека, когда он говорил о свободе выражения мнений, о том, что религия бывает часто нужна человеку для утешения, для покаяния и для нравственного очищения (Болондинский, 1995). Но это уже не научная, а скорее социальная сторона проблемы. И здесь Павлов выступил как человек, гуманные, душевные качества которого также можно высоко оценить. Именно в понимании и отношении Павлова к религии мы видим сочетание глубоких научных истин и высоких душевных качеств как человека и гражданина.

ГЛАВА 4

АКАДЕМИК И. П. ПАВЛОВ: СТИЛЬ РАБОТЫ, ПОДВИЖНОСТЬ МЫСЛИ, ДОМИНАНТА ДЕЛА

Об И.П. Павлове написано много. Помимо воспоминаний современников: его сотрудников, учеников, родных и знакомых в последнее десятилетие вышли из печати книги, посвященные И.П. Павлову, его личности и его трудам. (см. литература № 1-2-3) Проводились конференции в связи со 100-летием со дня присуждению Павлову Нобелевской премии (2004 г.) и в связи со 160-летием со дня его рождения (2009 г.). В этой главе мы хотим обратить особое внимание на личность этого неординарного человека, на некоторые его черты, которые имеют особую важность для научных работников любой области науки и для руководителей научных коллективов.

Стиль работы

Павлов не был кабинетным учёным. Он любил природу и восхищался ею. Ему очень нравились Колтуши, тенистый парк и сад. Любил он физический труд, и из письма горнякам мы знаем, что не меньше, чем умственный. Однажды, его сотрудник В.В. Строганов (1967) приехал к Павлову на дачу в Силламяги. Иван Петрович был занят работой по уходу за садом. В этот день он заменял старый запылённый песок с дорожек сада новым песком с прибрежной морской полосы. По-видимому, это, с первого взгляда малопродуктивное и весьма трудоёмкое занятие входило как одно из звеньев в задуманный и осуществляемый им план по содержанию сада. Строганова поразило, с одной стороны, видимая малая эффективность выполняемой работы (таскание песка в ведрах снизу вверх с берега моря на высокий берег было тяжёлой задачей, требовавшей значительного физического напряжения), а, с другой стороны, исключительная жизнерадостность

и бодрость исполнителя самой работы. Физическое напряжение, видимо, доставляло Ивану Петровичу истинное наслаждение.

И. П. Павлов любил художественную литературу, историю, искусство, о чем мы знаем из воспоминаний его современников. Но самое важное свидетельство того, что он не был кабинетным учёным, был стиль его работы. Он не сидел с утра до вечера в своём кабинете. Так, А. Ф. Самойлов (1967) был поражён императивным темпераментом, силой и мощью научного облика Ивана Петровича. В задачах, которые он себе ставил и в ухватках при их выполнении чувствовалась какая-то отвага и даже удаля. Когда он утром входил или, вернее, вбегал в лабораторию, то вместе с ним вливалась сила и бодрость, лаборатория буквально оживала, и этот повышенный деловой тонус и темп работы держались на той же высоте вплоть до позднего вечера, когда он уходил, но и тогда еще у дверей он быстро давал наставления, что ещё следует непременно сегодня сделать и с чего начать завтрашний день. Он вносил в лабораторию всего себя, и свои мысли, и свои настроения. Всё, что им было вновь надумано, обсуждалось совместно, со всеми сотрудниками. Он любил споры, он любил спорщиков, он подзадоривал их. Он любил споры потому, что во время дебатов ему самому нередко ещё лучше вырисовывалась какая-нибудь новая, ещё только замеченная идея, острее оттачивалась новая мысль, отшлифовывался какой-либо новый изгиб её. Для молодых же учёных лучшей школы, чем эти дебаты, вероятно, и не придумать.

Каждой темой, им данной, Иван Петрович руководил лично и повседневно (повседневно!). Знал он и помнил всё, что делается по каждой теме, и ни одна вариация опыта без его санкции не осуществлялась. Среды Павлов начал проводить, чтобы каждый работник знал, что делается другими. Это были живые беседы. Секрет Павловских сред ныне утерян.

Павлов всегда поражал своих сотрудников тем, что работу каждого он знал лучше, чем сам работающий. Происходило это отчасти потому, что Павлов всё время думал о работе. Кроме того, у него была выдающаяся память. Ясность его ума, умение самый сложный предмет изложить в простых выражениях были изумительными. Его доклады, опубликованные в «Двадцатилетнем опыте...» (Павлов, 1951.), во-первых, образец того, как надо центрировать свою мысль на главной идее, главном направлении, и, во-вторых, признание того, что важнейшим для тех или иных теоретических построений был всегда «господин факт». Все его ученики отмечают его приверженность фактической стороне дела: недаром он проводил сам лично половину своего

времени в лаборатории на опытах сотрудников, сам знал цифры протоколов опытов, обладая прекрасной памятью, их долго помнил и приводил, когда надо было обсудить тот или иной материал.

При этом Павлов никогда не превращался в архивариуса фактов, он пытался проникнуть в тайну их возникновения, настойчиво искал и находил законы, им управляющие. Именно такой стиль работы: от фактов — к теории — был основой плодотворности его научной деятельности.

Подвижность мысли. Переключение

Наиболее полно подвижность мысли И. П. Павлова освещена в воспоминаниях В. В. Строганова (1967). Подвижность мысли — это — как говорил И. П. Павлов — необходимое условие для тех, кто посвятил себя подлинному научному исследованию. Всякий новый эксперимент должен быть целеустремленным, всякий вариант опыта должен подтвердить или отвергнуть то или иное ваше предположение, он должен быть освещен вашей творческой идеей, вашим обобщением, сделанным на основе ранее полученных фактов.

При получении новых фактов надо уметь своевременно заменять свое первоначальное предположение новым. Это — одна из предпосылок развития науки, чему Павлов всегда следовал. «Для плодотворности научной мысли должно постоянно сомневаться и проверять себя» (Павловские среды, т. I, с. 286). «С первых же шагов он предупреждал каждого молодого исследователя об опасности рутины в научном мышлении, о необходимости безусловной точности в отношении найденных фактов, о всемерной обоснованности каждого теоретического представления, каждого нового обобщения» (Строганов, 1967).

На средах Павлов не раз возвращался к этому вопросу. Он говорил: «Мне самому приходится переделываться, я всю жизнь переделываюсь под влиянием действительности. Я был всегда против комбинации многих лекарственных веществ... Комбинация брома с кофеином заставляет меня пересмотреть свои позиции по данному вопросу» (Павловские среды, т. II, с. 354).

Н. К. Кольцов (1967) пишет о том, что благодаря многочисленным опытам на мышах, поставленных Е. А. Ганике, И. П. Павлов отказался от гипотезы о том, что условные рефлексy благодаря тренировке в ряде поколений переходят в безусловные.

Опыты Н. П. Студенцова, в которых учился сам экспериментатор, не подтвердились. И Павлов не настаивал на этой гипотезе. Тем не менее, он решил не останавливаться и изучать дальше проблему наследования — генетику высшей нервной деятельности.

В Колтушах в 1932 году было построено здание, в котором в звукоизолированных камерах на собаках было продолжено это изучение. Павлов решил сконцентрировать усилия этой колтушской лаборатории на передаче по наследству типологических свойств нервной системы.

Характерная черта не только деятельности, но и жизни Павлова — переключение. Не закончив семинарии в Рязани, он поступает в Петербургский университет, закончив университет он поступает учиться в ВМА. В науке хорошо известен его путь переключения от кровообращения к пищеварению и к высшей нервной деятельности. Но и в каждодневной жизни одним из факторов стимулирования научной деятельности было переключение на другие интересы — на спорт, на картины его коллекции, на работу в саду, на чтение художественной литературы. Такое переключение было своеобразным отдыхом от научного думанья, которое после переключения становилось более свежим и продуктивным.

Доминанта дела

О доминанте дела и в то же время о большой скромности говорят слова И. П. Павлова, обращённые к М. К. Петровой (1967): «Ничего гениального, что мне приписывают, во мне нет. Просто я непрестанно наблюдаю и думаю о своём предмете, целиком сосредоточен на нём, поэтому и получаю положительные результаты». Эту сосредоточенность на предмете исследования Павлов превыше всего ценил и в других. Он говорил, что надо неустанно думать о предмете, уметь с этим ложиться и с этим вставать. Он вспоминал, как какой-то доктор, ведя опыт, в паузах читал газету, а не продолжал наблюдение: «Уж я его чистил, чистил».

В работе Павлов был неутомим. С 10 часов утра и до 6 часов вечера он усиленно работал, без перерыва, 6 дней в неделю. Эту его неутомимость отмечают все, работавшие с ним ученики и сотрудники. Конечно, такой ритм и стиль работы задавался тем подлинным интересом, который испытывал И. П. Павлов к ещё неоткрытым явлениям в деятельности мозга, постоянным думаньем о предмете исследования. Эту напряжённую работу он продолжал и дома, засиживаясь до поздней ночи. Он изучал

новые проблемы, вырабатывал новые методы, приобретал новые знания. Свои знания он накапливал на протяжении 50 лет — отсюда и необъятная широта его интересов (Андреев, 1967).

Интерес Ивана Петровича к научно-исследовательской работе и к ФАКТАМ, получаемым каким-либо сотрудником, совершенно отодвигал на задний план все остальные соображения — ранг сотрудника, его лабораторный стаж и т.д. Результаты эксперимента заслоняли на время все остальные качества исследователя (Анохин, 1967).

К. М. Быков (1967), пишет о необыкновенной творческой атмосфере лаборатории И. П. Павлова. Яркое пламя научного энтузиазма, страстность в исканиях самого Ивана Петровича, его необычайная исследовательская напряжённость и какая-то особенная животворящая атмосфера всей лаборатории так подействовала на Быкова, что он находился в каком-то восторженном настроении. Возможно и в этом заключался особый феномен исследовательской работы Павлова вместе с сотрудниками.

Надо признать, что у Павлова был вспыльчивый характер. Он и сам признавал, что у него холерический темперамент. Бывало, что он не мог себя сдерживать, разговаривая с сотрудниками на повышенных тонах. Однако, понимая это, он на следующий день старался как-то заглаживать свою вину перед лицом, с которым он резко разговаривал.

Вспышки гнева и реакции нетерпения, которые нередко бывали у Павлова, надо связать с помехами в работе. Его целеустремленности, его поглощённости делом что-то мешало или кто-то мешал. Другая причина таких вспышек была в том, что он не допускал в работе ни малейшего легкомыслия или небрежности. Известна его требовательность к точности эксперимента. И если в работе сотрудника такой точности и пунктуальности не было, то дело кончалось разносом. Наконец, гнев его, опять-таки связанный с увлеченностью работой, был следствием противоречий, которые высказывали к его новой идее те или иные сотрудники. Когда у Павлова (на основании опытов) родилась новая мысль, и он ее обдумал и даже обсудил с некоторыми сотрудниками, то спорить с ним было трудно. Он «налетал» на всякого несогласного, засыпал его рядом аргументов и фактов, мог накричать, обругать. Ему надо было приступить к проверке своего предположения, и тут всякое возражение мешало ему работать, и потому он старался удалить его со своего пути. Возражавший вызывал досаду тем, что задерживал процесс осуществления этой новой мысли, нового

плана работы. Тут у Павлова можно было заметить громадное упорство. Но никогда не было упрямства. Когда опыты не обнаруживали ожидаемого, он не колеблясь изменял свои взгляды.

Важное значение в его неутомимых поисках и беспрестанной деятельности мысли имела страстность в его работе и его исканиях. Он весь отдавался работе и любил её. В его работе не было безразличия и скуки. Павлов подчеркивает, как пишет Л. А. Орбели (1967), важность азарта, страсти, без которых подвинуть научно-исследовательскую мысль нельзя. Только исключительная сила страсти может заставить преодолеть затруднения. И, действительно, кто видел этого страстного, кипучего, вечно работающего, вечно находящегося в движении человека, тот может оценить его научную страстность. Дело доходило до того, что получив какой-нибудь интересный факт, какое-нибудь маленькое интересное наблюдение, он обегал комнату за комнатой, чтобы поставить всех в известность о важном, с его точки зрения, событии. Установив важное положение или подметив новый факт, он вызывал всех и тут же начинал публичное обсуждение. Эта манера (публично мыслить) способствовала уточнению его соображений, мыслей и вместе с тем вовлекала сотрудников в работу.

Его профессиональное дело было главным в жизни. Оно было выше любви, выше практичности. В своей автобиографии (Павлов, 1954) он пишет, что мечтал найти радость в жизни — в умственной работе, в науке — и нашёл её там. Эту свою целевую, страстную, доминантную направленность в жизни он прекрасно выразил в статье «Рефлекс цели» (Павлов, 1951.): «Жизнь только того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к достигаемой, но никогда не достижимой цели, или с одинаковым пылом переходит от одной цели к другой. Вся жизнь, все её улучшения, вся её культура делается рефлексом цели, делается только людьми, стремящимися к той или другой поставленной ими себе в жизни цели. Ведь коллекционировать можно всё, пустяки, как и всё важное и великое в жизни: удобства жизни (практики), хорошие законы (государственные люди), познания (образованные люди), научные открытия (учёные люди), добродетели (высокие люди) и т. д.»

Его научная страстность была, конечно, не только природной особенностью склада его ума и темперамента, не только привычкой, выработанной в жизни, но и следствием глубокой веры в науку, о чем он говорил в разговоре с Е. М. Крепсом (1967).

Режим дня И. П. Павлова

Рабочий день Павлова по данным его биографов (Фролов, 1939) специально изучавших режим его дня, начинался рано — в 7 ч. 30 мин. Дополнительно 30 минут сна он ввел в режим только в последний год как скупую дань возрасту. Расписание дня проводилось им с точностью, достойной графика движения поездов. Ровно в 8 он пил утренний чай с молоком, хлебом и маслом, которое намазывал непременно левой рукой. Но он не был левшой. Обе руки его были равно сильны. Наряду с правой, левой рукой он оперировал, играл в городки.

До 8 ч. 30 мин., по предписанию врачей, он проводил в абсолютном покое. Для этого он усаживался в удобное кресло в зале и наслаждался своим собранием картин, которых за долгую жизнь у него скопилось около 100, исключительно русских художников.

Из зала, отдохнувши среди своих картин, Павлов направлялся в кабинет. Здесь за научной работой по вторникам и субботам он проводил время до 9 ч. 30 мин., после чего отправлялся в Институт экспериментальной Медицины, а в пятницу он на целый день до 6 ч. 30 мин. выезжал в Колтуши на свою Биологическую станцию. В прочие дни Павлов работал у себя по утрам несколько дольше — до 9 ч. 50 мин. Он утверждал, что эти утренние часы — лучшее и продуктивнейшее время его работы.

В Физиологическом Институте Академии Наук Павлов бывал два раза в неделю: и в нервную и психиатрическую клиники он отправлялся пешком. Павлов никогда никуда не опаздывал. Еще в 1934 г. Павлов совершал свое путешествие пешком из дома на 7-й линии в Физиологический институт в течение 20 минут. В последний год, уступая возрасту, он разрешил себе роскошь расходовать на то же расстояние на 5 минут больше. Но организм Павлова не сразу согласился принять этот дар. Ноги по привычке несли его быстрее на целых 5 минут, так что он вынужден был сдерживать темп.

Из Физиологического Института Павлов строго размеренной походкой отправлялся домой завтракать. Ровно в 12 ч. 30 мин. — завтрак, на который вместе с раскладыванием любимого пасьянса ученый ассигновал из своего жестокого бюджета времени — полчаса. Вообще пасьянс был существенной составной частью его домашнего времяпрепровождения и отдыха. Пасьянс был одним из его «десертных блюд» за завтраком, обедом и вечерним чаем.

Весь последующий час, также по врачебному предписанию, Павлов проводил лежа, в той же зале, и с тем же никогда не угасающим наслаждением рассматривая до мельчайших деталей давно знакомые полотна картин, иногда слушая музыку. Об этой страсти знали многие певцы и певицы Театра Оперы и балета (Мариинского театра) в Ленинграде.

Изредка, в дни отдыха Павлова, они приезжали к нему, чтобы пением доставить удовольствие великому учёному. Сам же Павлов театров не посещал. В литературе он любил классиков. Он всегда сожалел, что для чтения у него не остается времени, за исключением летнего периода.

Время с 2 до 6, т.е. до обеда, Павлов проводил в разные дни по разному, — то в Физиологическом Институте Академии Наук, то в Колтушах, куда он как сказано выше, по пятницам выезжал на автомобиле к 9 ч. 30 мин. утра, то в клиниках и т.д.

Обед сопровождался удлиненным, пасьянсом. Отдых продолжался до 9 часов. Павлов садился за вечерний чай, а в 10 час. уже проходил в свой кабинет, где работал до 1 ч. 30 мин. (Фролов, 1939).

В.Н. Болдырев (1967) также пишет, что жизнь Павлова была строго распланирована. За 10 лет работы Болдырева в ВМА в качестве ассистента Павлов пропустил лишь одну лекцию — и то по болезни.

Заключение

В этой главе мы не освещаем материалов грандиозной научной работы И.П. Павлова и его сотрудников. Его научная деятельность высоко оценена и его современниками и последователями. Несомненно, Павлов был гением науки прежде всего в области нервной регуляции органов пищеварения и в создании учения о высшей нервной деятельности. Настоящая глава посвящена личности Павлова, в которой он выступает как образец учёного и человека. Эта глава дополняет наши предыдущие публикации, посвященные И.П. Павлову, его отношению к религии (Болондинский, 1997), его увлечениям искусством, книгами, спортом (Болондинский, Куприянова, 1999). Это была цельная натура, прекрасный образец учёного и организатора и в то же время — образец здорового образа жизни. Хотелось бы надеяться, что личность Павлова будет путеводной звездой для многих людей, в том числе и работников науки.

ГЛАВА 5

ЛИЧНОСТЬ ПАВЛОВА И ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ В НАУКЕ

Многочисленные воспоминания и исследования деятельности Павлова не оставляют сомнения в том, что это был великий учёный. Об этом свидетельствует всё его творчество, его открытия в разных областях физиологии. Все эти материалы легко найти в разных изданиях, посвященных Павлову и его работам. Нам же представляется важным выявить в личности его как учёного черты, способствующие его творчеству, дать психологическую характеристику на фоне его трудов.

Прежде всего надо отметить его черту ОТ ФАКТОВ — К ОБОБЩЕНИЯМ, можно сказать: от анализа — к синтезу. Эта особенность его творчества проходит через всю его жизнь. Наилучшим образом он выразил это в «Письме к молодёжи: «Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты... Факты — это воздух учёного. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги. Но, изучая, экспериментирова, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов... Настойчиво ищите законы ими управляющие».

Все его открытия в области кровообращения, регуляции пищеварения и высшей нервной деятельности — это череда открытий от фактов к обобщениям.

Далее, важнейшая черта — стремление К НОВОМУ. Прежде всего упомянем его новые методы исследования органов пищеварения. Павлов ввёл в физиологию ХРОНИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. Значение этого нововведения было очень велико: 1) животное не убивалось после операции, а продолжало жить и служить науке, 2) физиологические данные, полученные на таком животном, не были изменены наркозом, 3) регуляция органа нервной системой в хроническом опыте сохранялась как в норме и не была изменена повреждением нервов как в остром опыте.

После Павлова большинство физиологов перешло на хронический эксперимент. Надо отметить такие МЕТОДИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ Павлова: 1) опыты с мнимым кормлением плюс перерезки блуждающих нервов. Эти опыты показали, что желудочные железы возбуждаются из центральной нервной системы, 2) опыты маленького иннервированного изолированного желудка, позволившие в естественных условиях изучить и отделение чистого сока на разные виды пищи и ферментный состав сока, 3) опыты по выведению протока околоушной слюнной железы, что привело в дальнейшем к созданию теории условнорефлекторной деятельности, 4) опыты по выведению протока поджелудочной железы на кожу вместе с участком кишки, позволившие изучить ферментный состав и особенности сока поджелудочной железы. И многие другие нововведения. Все они свидетельствовали помимо научного и научно-практического значения о ХИРУРГИЧЕСКОМ МАСТЕРСТВЕ учёного. Все эти и другие эксперименты утвердили значение целостного организма почти в любой реакции, в любом процессе, развёртывающемся в организме.

Если до Павлова старались лечить какой-либо процесс или орган сам по себе, то после открытий Павлова и не только в области пищеварения, но и, главным образом, в условнорефлекторной деятельности значение ЦЕЛОСТНОГО ОРГАНИЗМА с его нервной, гормональной и гуморальной системой при влиянии внешней среды стало непререкаемым.

Переход Павлова к изучению условнорефлекторной деятельности был качественно новым шагом — переключением к более широким обобщениям в области деятельности нервной системы. О приспособительной функции нервной системы он знал уже давно. Однако, здесь — в условно-рефлекторной деятельности — в работу включались уже высшие этажи её вплоть до коры головного мозга. Кроме того, Павлов выступил здесь как материалист, решивший психические процессы изучать объективно, физиологическим методом. Для него и раньше было ясно, что душа и тело — это единое целое. Он не признавал никакого анимизма, никакого дуализма и любые душевные движения были для него частью деятельности целостного организма. Однако, это надо было доказать экспериментально.

Павлов писал: «После настойчивого обдумывания предмета, после нелёгкой умственной борьбы я решил, наконец, и перед так называемым психическим возбуждением остаться в роли чистого физиолога, т.е. объективного внешнего наблюдателя

и экспериментатора, имеющего дело исключительно с внешними явлениями и их отношениями».

Всё творчество Павлова с 1901 до 1936 года есть лучшая характеристика его личности не только как исследователя, но и борца за материалистическое понимание психических процессов. Созидательный процесс начался с установления того, что любой агент внешнего мира может сделаться условным раздражителем, затем была изучена генерализация возбуждения и торможения, угасание рефлексов и внутреннее торможение.

Павловым, его учениками и сотрудниками были описаны виды внутреннего торможения: дифференцировочное, условный тормоз и запаздывающее торможение, открыты законы иррадиации и концентрации возбуждения и торможения. В результате Павлов пришел к выводу, что внутреннее торможение и сон — один и тот же процесс по своей физико-химической природе.

Особенностью личности Павлова как учёного было то, что ни одно открытие не оставалось брошенным, а вело за собой другие. Так была разработана проблема сна, были установлены фазовые состояния сна и гипноза. Сон как охранительное торможение стал использоваться для лечения нервных и психически больных в клинике. Это — ещё один важнейший шаг Павлова, когда он непременно старался применить свои знания на практике, в лечении больных. То же можно сказать и о разработке теории экспериментальных неврозов, о срыве высшей нервной деятельности в результате сшибки процессов возбуждения и торможения. Стали ясными не только пути и механизмы неврозов, но и меры профилактики и их устранения в условиях клиники.

Из теории и практики экспериментальных неврозов выявилось значение типов нервной системы собак. Оказалось, что разные собаки по разному реагируют на невротизирующие стимулы. В результате появилась Павловская классификация: сильный, неуравновешенный, безудержный тип; сильный, уравновешенный, подвижный тип; сильный инертный тип; слабый, тормозной тип нервной системы. То, что было умозрительно представлено ещё Гиппократом (холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик), нашло в работах Павлова экспериментальное физиологическое объективное обоснование. Как мы видим, и здесь подвижная мысль Павлова работала в плане объективно-физиологической трактовки.

И. П. Павловым было развито представление о системности в работе больших полушарий головного мозга и, далее, разработано

учение о первой и второй сигнальной системе. Этому помогла работа на человекообразных обезьянах шимпанзе и работа в нервной и психиатрической клиниках.

В последний, колтушский период своей деятельности, Павлов с сотрудниками предпринимает исследование генетики высшей нервной деятельности (Болондинский, 1997). Этот факт свидетельствует о том, что несмотря на 80-летний возраст ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ учёного не угасла, а, наоборот, продолжилась в новом аспекте исследований.

Чрезвычайно значимым явилось продолжение работ Павлова его учениками. Так, П. К. Анохиным (1968) была создана теория функциональной системы, К. М. Быковым (1954) теория кортико-висцеральных взаимоотношений, в дальнейшем нашедшая применение в клинике (К. М. Быков, И. Т. Курцин, 1960) Путь К. М. Быкова в науке и его открытия, связанные прежде всего с условнорефлекторной теорией И. П. Павлова, представлены нами в книге «Академик К. М. Быков» (Пастухов, Болондинский, 2009).

Л. А. Орбели на фундаменте условнорефлекторной теории Павлова развил учение о сравнительно-эволюционной физиологии высшей нервной деятельности (Орбели, 1961). Ряд лабораторий в Колтушах работал по этой проблеме (Пастухов, 2005). Была разработана также теория об адаптационно-трофической роли симпатической нервной системы (Орбели, 1962). А. Д. Сперанский (1955) исходя из работ Павлова о ведущей роли нервной системы развил представление о роли нервной системы в патологических процессах. Он показал, что любой патологический процесс включает в себя неспецифический нервный компонент, обусловленный трофической функцией нервной системы. Э. А. Асратян (1970) вывил роль нервной системы в развитии пластичности компенсаторных приспособлений.

Разумеется, этим не исчерпывается творческая роль Павлова в дальнейших исследованиях его учеников и последователей.

Идеи и представления И. П. Павлова в области высшей нервной деятельности стали основой работ в физиологии, психологии, психиатрии, философии. Другими словами, его идеи получили дальнейшее глубокое и широкое развитие в современной науке. Это было как бы ПРЕДВИДЕНИЕМ Павлова, причём, предвидением, основанным на материалистическом фундаменте. Хорошо известна методологическая основа работ Павлова: принцип детерминизма, принцип анализа и синтеза и принцип структурности (см. «Ответ физиолога психологам» из «20-летнего опыта...»)

Во всех исследованиях Павлова его личность как учёного, как вдохновителя и организатора дела, его думанье над предметом исследований, его наблюдательность, его энергия, направленная на поиск физиологической истины имели огромное значение. Более того, можно считать, что его научные достижения — это сплав научных открытий и влияние необыкновенной замечательной личности учёного.

В 1935 году на 15 Международном физиологическом конгрессе Павлову было присвоено звание «Старейшина физиологов мира». Это было не только данью уважения учёному, но и признанием того, что Павлов в свои 85,5 лет был таким же творчески активным, как и в более ранние годы.

ГЛАВА 6

ИСТОКИ. НАЧАЛО ПУТИ

Детство имеет важнейшее значение в плане происхождения свойств личности человека. Именно детство откладывает свой несмываемый отпечаток и на характер, и на различные свойства личности и на поведение. Не исключено, что то, что мы знаем о детстве И. П. Павлова, было значительным в его дальнейшей жизни.

Прежде всего, о памяти Павлова. Многие его сотрудники, как бы в один голос отмечают, что у него была замечательная память. Сам Павлов в своих кратких воспоминаниях (см. И. П. Павлов — первый нобел. лауреат России, т. 2, с. 36) пишет о том, что он помнит некоторые события своей жизни в возрасте около полутора лет. Сидя на руках у няни он помнит свой первый визит в дом, куда собиралась переехать его семья; ему запомнился даже чинившийся пол в доме. Другой факт: он запомнил, сидя на руках у няни (в том же возрасте), когда мимо дома проносили на кладбище одного из его дядей по матери.

Семья по отцу отличалась крепким здоровьем. Один его дядя в кулачных боях был даже главарём партии рязанских молодцов против окрестных крестьян. Иван Петрович дожил до 86,5 лет, и, вполне вероятно, что этот заряд здоровья и бодрости был заложен ещё в детстве.

Большое влияние на ещё ребёнка Ивана Петровича имел его отец Пётр Дмитриевич, священник. Он с увлечением отдавался физической работе на огороде и в особенности во фруктовом саду. Отец стремился передать и детям любовь к земле и к физическому труду. Однако, из его братьев к такому труду пристрастился только Иван Петрович. (И. С. Розенталь, 1963: С. В. Павлова, 2004).

Это влияние распространилось на всю его жизнь. На даче в Силламягах в 1910-ые годы, вблизи здания ИЭМа в 1920-ые

годы, в Колтушах в 1930-е годы Павлов продолжал заниматься огородом или садом и делал это не по приказу, а по любви, воспитанной с детства.

Отец Павлова выделялся в своем кругу незаурядным умом и начитанностью. Держался всегда с достоинством. В делах отличался настойчивостью, характером обладал твердым, даже властным, но проявлял его всегда разумно как на службе, так и в семье. Например, детям, которых держали в строгости, предоставлялась и необходимая свобода. И дети выросли не «забитыми». За самостоятельность, правдивость, честность, за высокую нравственность он пользовался большим уважением горожан. Семья вела простой, скромный образ жизни. Жили небогато. В дополнение к доходу от службы и сада держали небольшой пансион для учащихся.

Но не только домашняя среда оказывала влияние на Павлова. Ближайшее родственное окружение тоже имело большое значение. Так, о своей тетке по матери Павлов писал: «Это был редкий положительный тип. Жалоб на свою судьбу мне не приходилось никогда слышать от неё. Всегда спокойная, но и всегда с достоинством, готовая постоянно помогать другим... Случится ли горе какое — она первая утешительница. Произойдет семейная сцена — она уговаривает и примиряет. Последнее меня и сейчас особенно трогает. Уже в последние годы, когда у нас с отцом часто выходили горячие споры, доходящие с моей стороны до резкостей и кончавшиеся порядочными размолвками, тетка ходит от одного к другому, объясняет, извиняет, до тех пор пока не достигнет восстановления порванных отношений». Эти слова проливают свет на формирование характера И. П. Павлова. Во-первых, из них видно, что чувство собственного достоинства присуще было не только отцу, но и тетке; во-вторых признание Павловым своего страстного темперамента, такого же, как у отца, что и вело иногда к резким спорам и временным размолвкам («находила коса на камень!»); и, в-третьих, безграничная доброта тетки — черта характера, которая не осталась бесследной для впечатлительного юноши.

Павлов рос крепким мальчиком, но в 8-летнем возрасте, упав с помоста для сушки яблок на каменный пол, сильно ушибся, стал болеть и хиреть. Из-за отсутствия квалифицированной врачебной помощи Павлова «лечили» домашними средствами, которые не могли дать необходимого результата, а многочисленность семьи и материальная стесненность не позволяли создать тщательный

и соответствующий уход. Тогда мальчика взял на свое попечение одинокий крестный отец и продержал у себя больше года.

Крестный отец начал с усиленного питания Павлова, заставлял мальчика систематически делать гимнастику по утрам, приучал плавать, ездить верхом, играть в городки и кататься на коньках. Кроме того, Павлов должен был помогать своему воспитателю в работах в саду и на огороде. Он же приучил его развивать обе руки (Павлов был левша), и Павлов впоследствии мог хорошо оперировать как правой, так и левой рукой.

Крестный был человек строгий и требовательный, был постоянно занят каким-нибудь делом, а своими рассказами и чтением поддерживал у Павлова интерес к книге. Пример просвещенного по своему времени, внешне строгого, но доброго и отзывчивого воспитателя, его привычка к труду, выполнение каждого дела добросовестно, привычка к порядку в занятиях, любовь к чтению и размышлениям — все это воспринял любознательный мальчик. В дальнейшем Павлов уже сознательно, настойчиво и систематически развивал, укреплял и совершенствовал то, что было заложено в юности. А для ученого, даже высокоодаренного, работоспособность и систематичность в работе — необходимые условия плодотворной деятельности.

Учась в семинарии в Рязани Павлов много читал. Любовь к чтению — одна из замечательных черт его личности. Чтение «есть выражение сильной потребности, это есть жизнь в полном смысле слова» (И. П. Павлов. Цит. по С. В. Павловой, 2004, с. 56).

Думать это 1) упорно исследовать предмет, 2) иметь его в виду ныне и завтра, 3) писать, говорить, спорить о нём, 4) подходить к нему с одной и другой стороны, 5) собрать все доводы в пользу того или другого мнения о нём, 6) устранить все возражения, 7) признать пробелы, где они есть. Короче — испытывать и радость и горе серьёзного умственного напряжения, умственного труда. (И. П. Павлов. Цит. по С. В. Павловой, 2004, с. 65,70).

В 30-летнем возрасте Павлов пишет: «Молодой ум есть ум деятельный. С одной стороны (особенно в семинариях и гимназиях), куча обязательного умственного труда, с другой стороны, какая масса книг и статей осваивается охотой. Едва ли можно сомневаться, что в молодости человек читает больше, чем какой-нибудь учёный, весь погруженный в книги» (цит. по С. В. Павловой, 2004, с. 56)

Чтение привело Павлова к книге Молешотта, статьям Писарева, а затем и к трудам Добролюбова и Чернышевского. И это

переориентировало Павлова от иррационального знания в семинарии к естествознанию и социологии. Павлов целый год готовился к сдаче вступительных экзаменов в университет и в 21 год от роду был принят в число студентов Санкт-Петербургского университета.

Для нас же в этой перемене жизни Павлова важно главное: самостоятельное мышление Павлова в противовес и семинарии и уговорам отца, мечтавшего передать свой приход в Рязани — сыну.

Можно с уверенностью сказать, что путь молодого Павлова с его самоанализом и самоусовершенствованием, с его выбором дальнейшего пути в жизни, с его упорством и трудолюбием положил серьёзное начало его дальнейшей деятельности.

Жизненный путь Ивана Петровича превосходно изложен в книге В. О. Самойлова и А. С. Мозжухина (1989). Поражает упорство Павлова в преодолении любых трудностей: и в учёбе, и в науке, и в быту. Конечно, годы учёбы в Университете в Санкт-Петербурге, потом в Военно-Медицинской Академии, затем работа в клинике С. П. Боткина — это напряжённый труд, это жизнь в довольно неприятных условиях, когда приходилось снимать квартиру. Однако, Павлов никогда не сдавался и шёл своим путём в науку, которой он посвятил всю свою жизнь.

ГЛАВА 7

УВЛЕЧЕНИЯ: БИБЛИОТЕКА, КАРТИНЫ, КОЛЛЕКЦИИ

Наука была самым большим увлечением И. П. Павлова, увлечением, которое прошло через всю его жизнь. Наука для него не была ремеслом или лямкой, которую надо было тянуть всю жизнь. Поиски нового, неподдельный интерес к регуляции различных физиологических процессов, постоянное думанье: «с этим ложиться и с этим встать» — в этом весь Павлов.

Для чтения художественной литературы оставалось мало времени — это отмечал и сам учёный особенно в последние десятилетия жизни. «Поедем на дачу — уже тут почитаем» — вот его слова.

Тем не менее, любовь к хорошей книге постоянно владела Павловым. Он любил книгу с детства. Эта любовь была привита детям отцом И. П. Павлова. В Рязани, в семье протоиерея Петра Дмитриевича Павлова была хорошая библиотека. Для лучшего усвоения отец рекомендовал прочитывать книгу дважды и воспитывал бережное отношение детей к книге. В дальнейшем, в семье самого Ивана Петровича любовь к книге была привита и его детям: в книжных шкафах иногда встречаются книги, подаренные и Воле (Владимиру) и Виктору и другим детям. Книга была лучшим подарком.

В квартире И. П. Павлова на 7 линии дом 2 и сейчас сохраняются 3 старинных шкафа, заполненных его книгами. Сохраняется и порядок размещения Павловым книг. Здесь стоят книги больших учёных с дарственными надписями Павлову: К. А. Тимирязева, И. И. Мечникова, В. И. Вернадского, В. Л. Омелянского, А. С. Фаминцына и мн. др. Здесь же труды психиатра И. А. Сикорского, с которым Ивана Петровича

связывала обоюдная глубокая увлечённость задачами «познать механизмы и законы человеческой природы».

В библиотеке Павлова находится замечательный альбом о С. П. Боткине, а также фотопортрет С. П. Боткина 1892 года с автографом и дарственной надписью: «Ивану Петровичу Павлову, товарищу, ученику и сотруднику на память».

Работая с книгой, Павлов был очень аккуратен, пометок в книгах никогда не делал, разве только пометки синим и красным карандашом в книге Н. И. Бухарина «Пролетарская революция и культура» (1923 г. издания). Эта брошюра буквально испещрена комментариями, так непривычно сделанными рукой Ивана Петровича на страницах книги да ещё цветным карандашом. Чувствуется, что со многими положениями этой книги Павлов не соглашается. В связи с этим вспоминаются его слова: «Революция — это прежде всего снос культурного слоя».

Эти и другие замечания (и выступления) заставляют нас менять представление о нём, как о человеке, увлечённом исключительно наукой, отрешённым от реальной жизни, и вызывают ещё более глубокое уважение к незаурядности его ума, силе характера. Такие сведения часто бывают существенным дополнением к живой и полной характеристике личности большого учёного. Такова, например, увлечённость Павлова к собирательству книг и коллекционированию. В его библиотеке книги по астрономии, истории, медицине, биологии, мемуарная литература. Здесь книги Фабра, Льюиса, Дарвина, Реклю, Клейна, Брема. Философия представлена работами Герцена, Добролюбова, Писарева, Канта, О. Конта, Спинозы, Спенсера. Имеется также и «Капитал» Маркса 1872 г. на русском языке.

Павлов прекрасно знал историю нашей Родины. Как истинного патриота его всегда волновала судьба России. Среди его книг книги историков Соловьёва, Шильдера, Костомарова, переписка Екатерины II с Вольтером.

Серафима Васильевна (Павлова, 2004) вспоминала, что покупка книг в семье была целым событием. К книге в семье относились трепетно. Павлов разрешал из своей личной библиотеки выносить книги «... не далее гостиной».

Его любимыми писателями были А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Крылов, И. С. Тургенев. Он также увлекался Ф. М. Достоевским. В письмах к невесте он неоднократно упоминал произведения Достоевского и анализировал характеры его героев (Болондинский, Куприянова, 1999).

Павлов особенно любил и читал классиков, и в его библиотеке мы находим их книги. Это А. С. Грибоедов, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. М. Горький, Г. Р. Державин, В. Шекспир, В. Гёте, Г. Мопассан и другие.

Мысли и идеи выдающихся писателей были созвучны и творчеству самого Павлова.

Обратимся теперь к другому серьёзному увлечению Павлова: к картинам его коллекции. Многочисленные картины, скульптура, рисунки украшают его квартиру на 7 линии Васильевского острова. Эта коллекция, тщательно и любовно собранная учёным, дарит ему живую радость. Она насчитывала около 100 полотен русских художников. Среди них: Альб. Бенуа, А. П. Брюллов, Н. Н. Дубовской, М. В. Нестеров, Л. В. Позен, И. Е. Репин, Вал. А. Серов, Н. А. Ярошенко, А. А. Рылов, Р. А. Берггольц, В. Е. Маковский, К. Е. Маковский и другие.

Интерес к искусству распространялся у него и на личность самого художника. Это привело к знакомству, а в некоторых случаях и к дружбе с людьми искусства.

Подбор всех художественных произведений, собранных Павловым, производился лично им, и, несомненно, отражал его склонности, его интересы, его привязанности к тем или иным сюжетам. Это была и его любовь к Родине, её историческому прошлому, и любовь к детству и любовь к особенностям тех или иных характеров персонажей картин и так далее. В целом это была привязанность к жизни человека к его психологии, то есть к тому, что с такой страстью изучал Павлов как учёный. Можно сказать, что страсть и любовь к искусству как бы слилась с желанием Павлова проникнуть в сущность деятельности мозга человека, в его высшую нервную деятельность.

Рассматривая и анализируя коллекцию И. П. Павлова, мы увидим много примеров, подтверждающих эту мысль.

Вероятно, ещё летом 1887 года произошло знакомство Павлова с художником Н. А. Ярошенко. Ярошенко сделал несколько портретов и эскизов, но наиболее интересным стал портрет сына Ивана Петровича «В. И. Павлов в детстве». Именно он положил начало портретной коллекции И. П. Павлова. Он владел также выдающейся картиной Н. А. Ярошенко «Хор» (1894 г.). Вполне вероятно, что изображённая там группа ребятишек, старательно поющих в уголке залитого солнечными лучами сада, напоминала Павлову о его детстве, когда он бегал «босичком» по берегам речки Трубежа. Эту картину любил Иван Петрович.

Однако, так получилось, что она была очень нужна для организации и открытия музея Н.А. Ярошенко в Кисловодске и была передана туда через 20 с лишним лет после смерти учёного.

Русская живопись была самым серьёзным увлечением учёного. В коллекции Павлова находятся знаменитые авторские повторения картин В.М. Васнецова «Три богатыря» и «Снегурочка». Павлов был лично знаком с художником и любил многие его картины. В Васнецове он ценил славу открытия в нашей живописи волшебного мира былин, сказок, преданий. Как и Павлов Васнецов принадлежал к самой глубине России, он был сокровенно связан со своим народом. В беседе с А. М. Горьким, которая проходила в квартире учёного в конце 1931 года, он признавался: «Вот моя любовь... Васнецов прекрасно изобразил три темперамента: Илья Муромец — выдержанный, тяжёл на подъём, он рассматривает врага только, чтоб пойти на пролом. Добрыня Никитич — импульсивен, рвётся вперёд не раздумывая в битву, идёт напрямик. Алёша Попович уже смекнул, понял, что грозит опасность, и думает, как бы лучше её обойти... Три русских богатыря. Русь!»...

У Павлова, бесспорно, три богатыря ассоциировались с типами нервной системы. Именно изучению типов высшей нервной деятельности в своей научной работе Павлов уделял серьёзное внимание.

Будучи в Нью-Йорке в 1929 году Павлов позировал известному русскому скульптору Коненкову при создании им скульптурного портрета учёного. В разговоре с Павловым Коненков был поражён прекрасным знанием им русского искусства, когда Павлов с гордостью говорил, что «Мадонна с младенцем» Васнецова равносильна «Мадонне» Рафаэля. Как поразительно сходны в оценках значимости русского искусства и науки учёный и художник. Так, В.М. Васнецов писал: «Всё великое в искусстве, ставшее общечеловеческим, выросло на национальной почве». И. П. Павлов в одном из писем в Совнарком писал: «Весь я русский, всё, что есть во мне, всё вложено в меня моею русской обстановкой, её историей, её великими людьми».

И. П. Павлов понимал, любил и с большой нежностью говорил о В. Поленове. Вот его «Рыбаки»: три босоногих мальчика с увлечением удят рыбу. Картина навевала ему воспоминания о детстве, о Рязани. Очень нравился Павлову И. Левитан, особенно его могучее программное полотно 1894 года «Над вечным покоем». Иван Петрович не пропускал выставок, вернисажей, и это было регулярным явлением.